

Если говорить о личной жизни Чжоу Цзыцяня, её нельзя назвать беспорядочной. Для человека с его положением и происхождением держать несколько молодых и красивых любовников или любовниц — не редкость. Тем более он холост, и завести послушного и понимающего любовника для удовлетворения желаний — дело вполне естественное. В этом плане Ло Дун действительно не имел права его осуждать.

Что касается его любовной истории, она практически пуста. Он холоден по натуре, поэтому не склонен к распушенности. До сих пор единственным человеком, с которым у него были какие-то любовные узы, был Ань Чэнсюань. В то время они оба учились за границей, оба были далеко от дома, и их семьи были близки, поэтому они естественно сблизились. Чжоу Цзыцянь был старше Ань Чэнсюаня и более спокоен, поэтому он больше заботился о нём. Ань Чэнсюань, будучи гомосексуалистом от природы, начал испытывать к нему симпатию.

Ань Чэнсюань всегда был эгоцентричным и упрямым. Чем больше его отвергали, тем сильнее он хотел добиться своего. Чтобы «перевоспитать» Чжоу Цзыцяня, он совершал множество нелепых поступков: насильно переехал в его квартиру, постоянно приставал и соблазнял, использовал любые средства.

Из-за отношений между их семьями Чжоу Цзыцянь не мог слишком резко порвать с ним, поэтому старался терпеть. Пока Чжоу Цзыцянь не подвергся нападению и не был вынужден прервать учёбу, он не мог избавиться от навязчивого внимания Ань Чэнсюаня.

К сожалению, это продолжалось недолго. На следующий год после окончания учёбы Ань Чэнсюань приехал в столицу, чтобы управлять частью бизнеса семьи Ань, и они снова стали пересекаться.

Наверное, недостижимое всегда кажется самым привлекательным. Хотя Ань Чэнсюань больше не приставал к Чжоу Цзыцяню так явно, он всё же не оставил своих надежд. Он менял любовников одного за другим, их было так много, что и сосчитать невозможно, но он не мог терпеть, чтобы рядом с Чжоу Цзыцянем был кто-то другой. Все, кого Чжоу Цзыцянь держал рядом, либо уходили под давлением Ань Чэнсюаня, либо были соблазнены им. Чжоу Цзыцянь не хотел тратить на это силы и нервы, а также помнил о том, что Ань Чэнсюань помог ему найти грабителей, которые напали на него. Поэтому они поддерживали странные отношения, которые нельзя было назвать ни близкими, ни далёкими.

— Сяо Ань очень ревнив. Все, кто мне дорог, становятся объектом его ненависти, включая Юньси, — Чжоу Цзыцянь с горькой усмешкой посмотрел на Е Тао. — Просто с другими он ведёт себя грубо и придирчиво, а с Юньси не решается быть слишком наглым.

Баобао широко раскрыл глаза, его маленькое лицо надулось от злости:

«Кошки ё-моё! Кто эта лисица? С какого он перепугу ревнует меня?!»

Е Тао гладил возмущённого котёнка, его лицо оставалось спокойным и бесстрастным. Он не удивился, узнав, что у Чжоу Цзыцяня и Ань Чэнсюаня были неясные отношения, и не считал, что заводить любовников — это что-то необычное для Чжоу Цзыцяня.

Мужчина может быть целомудренным по трём причинам: либо он от природы спокоен и не имеет сильных желаний; либо у него есть принципы, и он не позволяет себе нарушить их ради страсти; либо он просто не обладает привлекательностью, и вокруг него недостаточно соблазнов. Для мужчины с внешностью и положением Чжоу Цзыцяня быть целомудренным, как монах, было бы странно. Люди бы начали подозревать, что у него есть какие-то скрытые проблемы.

Выслушав всё это, Е Тао заинтересовался только одним моментом, который Чжоу Цзыцянь упомянул вскользь — нападением. Е Тао спокойно осмотрел Чжоу Цзыцяня, его взгляд скользнул к его груди и животу:

— Шрам под татуировкой — это след от того времени?

Чжоу Цзыцянь через рубашку нажал на шрам, слившийся с татуировкой, и кивнул. Он редко рассказывал об этом кому-либо, даже члены его семьи почти ничего не знали. Но раз Е Тао спросил, он начал вспоминать и рассказывать.

Это был день рождения Чжоу Цзыцяня. Он не планировал его праздновать, но Ань Чэнсюань по своей инициативе пригласил нескольких друзей, чтобы отметить. Они сначала наелись в ресторане, но этого было мало, поэтому пошли в ночной клуб. Когда всё закончилось, все были пьяны, и пришлось вызывать машины. Садясь в машину, Чжоу Цзыцянь заметил, что Ань Чэнсюань отстал. Поскольку в одной машине все не помещались, Чжоу Цзыцянь отправил остальных вперёд, а сам вернулся за Ань Чэнсюанем.

Он помнил, что в ту ночь был сильный туман. Неоновые вывески ночного клуба и уличные фонари были окутаны густой дымкой, и на расстоянии трёх метров уже ничего не было видно. Он тоже был пьян, и короткий путь от улицы до клуба он прошёл, шатаясь. Внезапно перед ним остановился мотоцикл, и с заднего сиденья прыгнул человек, приставив к нему нож и потребовав кошелек. Он был слишком пьян, чтобы ясно соображать, и не помнил, сопротивлялся ли он. В какой-то момент он услышал, как кто-то крикнул его имя, и затем его ударили. Он упал на обочину, прижимая рану, а мотоцикл умчался. Ань Чэнсюань, шатаясь, подбежал к нему.

Чжоу Цзыцянь не стал рассказывать Е Тао, насколько серьёзной была рана и как всё было опасно, но с лёгкой усмешкой упомянул о происхождении татуировки:

— Мой отец верит мастеру Ицзина, который сказал, что этот шрам плох, он может принести беду и породить злую энергию. Чтобы успокоить отца, я сделал татуировку, чтобы скрыть шрам.

Лотос — один из четырёх священных цветков в буддизме, он подходит для устранения злой энергии. Е Тао подумал об этом, посмотрев на изысканное лицо Чжоу Цзыцяня, на котором не было и намёка на жестокость, и тихо вздохнул:

«Боюсь, злость не в шраме, а скрыта в сердце».

Чжоу Цзыцянь, конечно, не знал, что думал Е Тао. Глядя на его спокойное лицо, он чувствовал умиротворение, и мрачные воспоминания, которые обычно омрачали его мысли, вдруг стали не такими тяжёлыми.

Возможно, именно это привлекало его в Е Тао. Спокойствие и умиротворение Е Тао исходили изнутри. Он мог отпустить предательство любимого человека, спокойно принимать удачи и неудачи, которые приносила жизнь после смерти. Всё то, к чему Чжоу Цзыцянь искренне стремился, но не мог обрести, — спокойствие, умиротворение, свобода — всё это было у Е Тао. Как он мог не тянуться к нему?

Когда он не знал истинной личности Е Тао, он лишь удивлялся переменам в своём племяннике, с интересом наблюдая за ними. Теперь, узнав правду и узнав Е Тао лучше, он стал хотеть ещё больше. Он невольно стремился узнать о нём больше, хотел оставить его рядом с собой, не на год или два, а навсегда, сделать его своим. Эта недопустимая мысль была как страшное семя:

пока оно прорастало, он не замечал, но как только показались всходы, он уже не мог его контролировать.

Предупреждение Ло Дуна не только не подействовало, но и усилило чувство опасности у Чжоу Цзыцяня. Он хотел быть ближе к Е Тао, сделать его своей собственностью, отрезать все пути к отступлению, чтобы Е Тао некуда было больше идти, кроме как остаться с ним.

Эта упрямая мысль, противоречащая разуму, мучила Чжоу Цзыцяня, он даже начал паниковать. Что ему делать, чтобы подавить это желание, которое могло разрушить его жизнь?

Погружённый в свои терзания, Чжоу Цзыцянь, конечно, не замечал, как дни шли своим чередом.

На следующий день после Малого Нового года Чжоу Цзыцянь получил звонок от Ло Дуна, который попросил его привести Е Тао в родовое поместье семьи Ло на ужин. Чжоу Цзыцянь и без слов понимал, что это подготовка к заключению именного родства.

Родители Ло Дуна были военными. Отец занимал высокий пост и не тратил время на мелочи. Мать была мудрой и понимающей, она не критиковала сына за то, что он не хотел рано жениться, но увлекался усыновлением детей. Однако, увидев Чжоу Цзыцяня, она на мгновение задумалась.

Вечером, после того как гости ушли, мать Ло Дуна небрежно спросила сына:

— Ты ведь не просто так это затеял, да?

Ло Дун сначала недоуменно моргнул своими красивыми глазами, а потом чуть не упал на колени:

— Матушка, ты слишком много думаешь. Нет, ты, мудрая, слишком волнуешься. Твой сын любит красавцев, но не до такой степени. Этот Чжоу второй красив только лицом, внутри он чёрный, я бы его не взял, даже если бы мне заплатили.

Мать Ло Дуна была озадачена:

— Если ты так его не уважаешь, зачем ты с ним сближаешься?

Ло Дун, собравшись с духом, с серьёзным видом начал несести чушь:

— Мне понравился его племянник, милый красавчик, на которого приятно смотреть.

Мудрая матушка, конечно, не поверила, но задумчиво прошептала:

— А этого ребёнка я действительно любила.

Ло Дун подумал: «Конечно, ты его любишь. Ты бы хотела, чтобы я женился на нём, если бы он был девушкой».

Дядюшку водил за нос брат Дун, любовь действительно делает людей глупыми, ха-ха-ха!